

— Эй, у вас деревня неплохо устроена! — похвалил Гао Чан.

Действительно, деревня выглядела впечатляюще: за оградой располагалось множество дворов разного размера, почти в каждом из которых горели лампы синего света, о которых говорили местные жители. Всё вокруг было ярко освещено, дети то занимались работой, то играли. В такие времена эта картина казалась настоящим раем.

— Да уж, выживаем за счёт разведения шелкопрядов и ткачества. Как-то удаётся сводить концы с концами.

— В последние дни стало довольно холодно, — Гао Чан был одет легко, а сейчас, в преддверии весны, ночи были особенно морозными. Хотя его тело, закалённое культивацией, не поддавалось простуде, это не означало, что он не чувствовал холода.

— Брат, судя по твоей экипировке, ты даже одеяла с собой не принёс? — спросил собеседник, взглянув на рюкзак Гао Чана.

— Точно, — признался Гао Чан. — Признаться, это было упущение. Ему следовало попросить Бай Бао оставить ему одеяло. Ночь в глуши, с пронизывающим северным ветром, никак не могла быть тёплой.

— Брат, а что у тебя в рюкзаке? — Старина Ху понизил голос.

— Просто смена одежды, — Гао Чан понял, что Ху, скорее всего, хотел предложить сделку, и сам был не против, но предпочёл сохранить сдержанность.

— Ты же не забыл соль прихватить?

— Немного есть... — Ещё до того, как войти в деревню, Гао Чан знал, что соль будет полезной для обмена. Он завязал чистые штаны узлом и насыпал в них около четырёх-пяти цзиней соли.

— Если у тебя есть три цзиня соли, я обменяю тебе шёлковое одеяло, как насчёт этого? — голос Ху стал ещё тише.

— Три цзиня? — Гао Чан не знал местных цен, поэтому не мог сказать, дорого это или дёшево. Лично ему предложение казалось выгодным.

— Три цзиня соли за пятицзиневое одеяло, обёрнутое шёлком — это очень выгодно! — Ху продолжал уговаривать.

— Думаю, — Гао Чан не стал сразу соглашаться.

Хотя обмен трёх цзиней соли на пятицзиневое шёлковое одеяло казался выгодным, выражение лица Ху, будто он считал его простофилей, вызывало у Гао Чана неприятное чувство.

— Дядя Ху, опять людей обманываешь? — внезапно раздался звонкий женский голос, заставивший Гао Чана вздрогнуть.

— Чего ты несёшь, дура? Иди работай.

— Это ты несёшь! Наше шёлковое одеяло для людей с Плато обменивается на один цзинь соли, а ты, пользуясь тем, что он не знает цен, просишь три цзиня — это просто грабёж!

Женщине было около двадцати шести-семи лет, но Гао Чан знал, что ей, как и ему, уже исполнилось тридцать. В прошлой жизни она была единственной девушкой, с которой у него были отношения. Они случайно оказались в одной постели, потом так же случайно отделились друг от друга, а после окончания университета оказались в одном городе, где продолжили общаться, оставаясь просто друзьями.

Она была непостоянной, меняла работу и жильё так же часто, как одежду. Гао Чан помнил, что за пять лет жизни в том городе она сменила жильё более двадцати раз, и работала она примерно столько же. Даже думать об этом было утомительно. Ему тоже было тяжело, ведь она каждый раз звала его помочь с переездом.

К её чести, она была преданной. Когда Гао Чан попал в больницу с острым аппендицитом, она взяла два дня отпуска, чтобы ухаживать за ним. В болезни человек становится уязвимым, и тогда Гао Чан был глубоко тронут, чувствуя, что даже если поможет ей переехать ещё двадцать раз, это того стоило.

Её звали Хэ Юнь — имя, идеально подходящее для королевы университета. Однако её красота осталась в прошлом, и Гао Чан часто видел её потной, несущей коробки и ведра в сандалиях под палящим солнцем, что полностью разрушило её прежний образ.

— Эй, у меня тоже есть шёлковое одеяло, давай обменяем на два цзиня соли? — обратилась Хэ Юнь к Гао Чану.

— Ты же только что сказала... — Он хотел возразить, что она сама говорила об одном цзине для людей с Плато, а теперь просит два. Это же явный обман.

— Все наши одеяла и ткани сейчас закуплены людьми с Плато. Ты же видишь, они даже прислали солдат для нашей защиты. Если я буду с тобой торговать, это будет считаться контрабандой, я рискую. Ты должен дать мне что-то взамен, иначе зачем мне это?

— Если она не хочет, я обменяю. Я возьму полтора цзиня, как насчёт этого? — поспешно вмешался Ху, радуясь возможности заработать лишний полцзиня соли.

— Ты готов обменять, но сможешь ли ты гарантировать, что он вынесет одеяло из деревни? — спросила Хэ Юнь, и Ху замолчал. — Кстати, у меня есть одеяло размером два с половиной на три метра, весом больше шести цзиней. Обменяю его на твою соль. Когда ты будешь ночевать в поле, половину можно постелить, а половиной укрыться — будет тепло и удобно.

— ...Ладно, — Гао Чан улыбнулся.

В прошлой жизни он волновался за неё, но, похоже, на родине она чувствует себя хорошо. Он знал, что Хэ Юнь родом из центрального региона, но не знал точно откуда. Как неожиданно они встретились.

Хэ Юнь повела Гао Чана к себе домой — небольшому домику, построенному во дворе. Он был деревянным и выглядел довольно хлипким.

— Твой дом почему-то отличается от других? — с улыбкой спросил Гао Чан.

Он был рад, что она жива, а в каком доме она живёт — не так уж важно. Главное — выжить.

— Эх, раньше я работала в городе, копила на квартиру. Кто знал, что всё так обернётся? В городе не осталось работы, пришлось вернуться в деревню. Это жильё — уже хорошо, — она достала из ящика два куска ткани. — Вижу, ты часто ночуешь под открытым небом, давай сделаю тебе чехол для одеяла, чтобы оно не пачкалось.

— Чехол? — Гао Чан потрогал ткань. — Что это за материал?

— Шёлк. Ты, наверное, не знаешь, но сейчас шёлк стал намного плотнее. Наши шелкопряды, улучшенные синим солнечным светом, едят листья тутового дерева с аппетитом и производят больше шёлка. Он толще, но зато прочнее.

Пока Хэ Юнь шила чехол, Гао Чан болтал с ней. Оказалось, что Хэ Юнь была приёмной. Её родители, уже имея сына, боялись, что второй ребёнок тоже будет мальчиком, и хотели дочь.

Родители Хэ Юнь рожали только девочек, и, не получив сына, решили продать её за пятьсот юаней семье из соседней деревни. Та семья была экономной и, не имея грудного молока, не стала покупать молочную смесь, кормя девочку рисовым отваром. Иногда её приносили к соседке, которая недавно родила, чтобы покормить грудью, но вскоре Хэ Юнь заболела.

Приёмные родители решили, что купили бракованный товар, и продали её за триста юаней. Новые приёмные родители, которых они нашли, оказались более заботливыми. Они несколько раз водили Хэ Юнь в больницу, кормили её лучшей смесью, и через два месяца её здоровье улучшилось.

Через год у её приёмных родителей родился ещё один ребёнок, мальчик. В детстве Хэ Юнь

жила неплохо: у неё был старший брат и младший брат, и родители считали её самой любимой, всегда баловали её.

Когда Хэ Юнь училась в старшей школе, её отец погиб в аварии. Её старший брат уже женился, а младший брат тоже учился в школе. Позже Хэ Юнь поступила в университет, и мать оплатила её обучение, а младший брат, не поступив, остался без высшего образования. Однако он считал, что, если бы не приёмная сестра, мать бы купила ему место в университете, и потому всегда был недоволен ею. Его старший брат и его жена тоже считали, что эта «дешёвка» потратила все деньги родителей, и никогда не относились к ней хорошо.

<http://bllate.org/book/15437/1369090>